

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. ВАГРИЦКОГО** и **А. ВОЛОДИНЬКОВА**
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛЕДИНА**, **А. СЕЛИГАНОВСКОГО** и **СЕЛЬВИНСКОГО**
М. СУВОЦКОГО, **М. СЕРЕБРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **В. УСИЕВИЧА**

№ 77 (393)

18 ИЮНЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Здравствуйтесь, товарищи!

АПОФЕОЗ

На встрече с мастерами искусств глава экспедиции парохода «Челюскин» О. Ю. Шмидт говорил о восприятии эпопей челюскинцев как явления, близкого к искусству.

Эпопея челюскинцев близка, родственна искусству как тема поэмы, романа, симфонии, картины и барельефа.

Есть великолепная законченность в этой эпопее. Закономерная стройность, высокая значительность сюжета, развитие сюжета, завязка и развязка.

Путешествие легендарного корабля среди полярной ночи и льдов, пенем Великого северного пути, странствия в Ледовитом океане — братской могиле затерянных во льдах, погибших экспедиций.

Чудовищный напор льдов стискивает корпус корабля, льдины ломают ему позвоночник и грудную клетку, корабль мертв, но душа корабля — люди «Челюскина» — живы все кроме одного.

У нас привыкли зло шутить над преувеличенной склонностью к митингованию, но мы не знаем более величественного акта в истории полярных экспедиций, чем пятиминутный митинг, собранный тут же, на месте гибели корабля.

Ланоничная речь и несколько реплик участников митинга — и события и обстановка схвачены, ясно, что делать дальше, и прекрасен лозунг, брошенный в мир полярной ночи:

«Не сдадимся!»

То, что происходило дальше, известно всему миру. Две организованные разумные силы — сила сплоченного коллектива челюскинцев и воля и спасение мощной, огромной страны — соединились в одно и начали единоборство со слепой титанической силой стихии.

В истории полярных экспедиций нет равного по блеску и мужеству, по замечательному бесстрашию, нет эпизода, равного истории спасения челюскинцев.

В батальных романах, в милитаристских фильмах враги нашей страны с диким упоением показывают налеты, рейды империалистских летчиков, разбухающих столицы, верфи, электростанции...

Советские писатели могут — и должны — им ответить описанием налетов советских летчиков на льдины. И каждый рейд наших летчиков означал не гибель безоружного населения, не разрушения культурных ценностей, каждый рейд означал спасение человеческих жизней, победу над слепой и бездушной стихией, высокую моральную победу истинного пролетарского гуманизма.

Тема гибели «Челюскина» и спасения челюскинцев волнует каждого мастера литературы, искусства еще и потому, что это тема создания нового человека, человека будущего, человека, свободного от страстей омерзительного капиталистического строя.

Великий инженер душ — советская страна, наша родина, на семнадцатом году своей жизни показала нам образцы великих людей, людей нового изменяющегося мира. И потому заключительный аккорд, последний строфа, счастливый апофеоз поистине высокой трагедии, — он потрясет сердца всех читателей и зрителей, слушателей героической симфонии, поэмы, романа, называемого — спасение челюскинцев...

Автор этой уже созданной поэмы — не один человек, даже не коллектив авторов, а страна, класс, партия, которые являются самым совершенным творческим коллективом.

Страна, столица нашей замечательной родины встречает завтра своих героев.

Лучшие люди страны, во главе с ее вождем и руководителем т. Сталиным, приветствуют своих героев:

Здравствуйтесь, товарищи!

ГЕРОИЧЕСКАЯ СТРАНА БОЛЬШЕВИКОВ, СТРАНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ ВСТРЕЧАЕТ СВОИХ ЛУЧШИХ СЫНОВ, НЕПОБЕДИМЫХ УДАРНИКОВ СУРОВОЙ АРКТИКИ.

КОНЧАЕТСЯ БЕСПРИМЕРНОЕ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ ПУТЕШЕСТВИЕ.

ЗАВТРА ПРОЛЕТАРИИ КРАСНОЙ МОСКВЫ ПРИМУТ В СВОИ ДРУЖЕСКИЕ И ТЕПЛЫЕ ОБЪЯТИЯ „ЗНАТНЫХ ЛЮДЕЙ“ НАШЕЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ РОДИНЫ—ЧЕЛЮСКИНЦЕВ, ВЫРВАННЫХ ИЗ ЛЕДОВЫХ ОБЪЯТИЙ АРКТИКИ.

РИСУНКИ ХУДОЖНИКА А. ТЫШЛЕРА

ПРИВЕТСТВИЕ А. М. ГОРЬКОГО

ПОДВИГ ВАШ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВОЗВЫСИЛ В МИРЕ ЗНАЧЕНИЕ НАШЕЙ СТРАНЫ, ПОКАЗАВ СИЛУ ГЕРОИЗМА ЕЕ ЛЮДЕЙ, И СТРАНА НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕТ ПОДВИГ ВАШ. ЖЕЛАЮ ВАМ ЗДОРОВЬЯ И РОСТА СИЛ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДЕТИ ГЕРОИЧЕСКОГО НАРОДА

П. ЛЕПЕШИНСКИЙ

Нет никакого сомнения, что героический эпизод, развернувшийся в связи со штурмом челюскинцами титанических чар «заколдованной» Арктики, вызовет соответствующий отклик в художественной и научной литературе. И романисты, и поэты, и драматурги, и люди науки отдадут должную дань своего проникновенного внимания и своего творчества челюскинской эпопее.

Хотелось бы только, чтобы в основе этого литературного потока лежала правильная оценка и правильная оценка героизма и психологии «челюскинства». Нужно ясно себе представить природу героизма Челюскинцев и их главных спасителей. Ведь «челюскинство» — специфическое бытовое явление нашего социалистического строительства. И чем ближе мы будем подходить к фазе бесклассового общества, тем все более всякого рода доблесть, всякий подвиг, все вообще героическое будет приобретать массовый коллективистский характер. Герои будут появляться (и уже появляются) на небосклоне нашего общественного бытия — говоря языком астрономии — не как отдельные яркие метеоры, прорывающиеся между ночного неба, а как светящиеся потоки, несметные рои «персеид» или «леонид», относительно которых прежде всего ощущается впечатление, что их много, очень много, что их тысячи и миллионы. Героев в нашей чудесной стране становится стихийно жизни, а

стихия жизни претворяется в сплошную стихийную героину.

Вот почему смело можно сказать, что у наших не только Отто Юльевичей, не только у сознанных вековой культурой «аристократов духа», но и у представителей, так сказать, массового героизма — Вавушкиных, Бобровых, Молоковых, Каманиных и т. д. и т. д. — не кружится поинститутски голова, когда на них грозно нависают ледяные горы или когда они врезаются со своими птицами — аэропланами в гущу арктических снеговых вихрей, но не кружится она (и не закружится) и в той атмосфере восторженных встреч, которые являются неподдельной данью великих симпатий героям челюскинской сказки-были со стороны миллионов трупящихся Союза. Ведь они не что иное, как закаленные люди своего сурового дога, они — дисциплинированные солдаты великой армии труда, борющиеся за красочное, солнечное счастье общечеловеческого завтра, они — верные сыны своего социалистического отечества, они плоть от плоти и кость от кости той необозримой, многомиллионной массы, которая на широком пространстве от Балтийского моря до Тихого океана — и на земле, и под землей, и в воздушном поле, и в гигантских очагах советской про-

мышленности, и в мерзлых пустынях негостеприимной Арктики, и в сыпучих песках Кара-Кума, и на суше и на море, и на поверхности планеты, и в заоблачных высотах стратосферы — повсюду и везде «осваивают» естественные силы природы, погнителя их беспредельной власти человека, словом, строят новую жизнь. Они героические дети героического народа — Прометея, — расованного Прометея. Они счастливы сознанием не столько своего возвышения над уровнем «бунтарной» толпы, сколько своей родственной близости к этой толпе, которая сейчас посылает их навстречу свое далекое «завтра».

Вот эти именно мотивы, как мне кажется, должны лечь и в основу того «былинного сказа», или, скажем проще, той художественной литературы, в которой будет отображаться «челюскинство». Хотелось бы, между прочим, чтобы художники слова в первую голову переложили челюскинскую «Гайавату» на язык летской литературы. Ведь именно тех, «кому сейчас пятнадцать лет», скоро уже, — скорее, быть может, чем многим это представляется, — по всему прогнозу Владимира Ильича, придется быть полными хозяевами нашего коммунистического бесклассового общества. Поэтому им, нашим пионерам и комсомольцам, нашей желанной сцене — прежде всего «я книги в руки».

О. Ю. ШМИДТ

Н. К. КРУПСКАЯ

Таковы наши челюскинцы

В разных утопических и фантастических романах делались не раз попытки нарисовать людей будущего. Эти люди будущего всегда выглядели деланными какими-то.

Социализм живой, строящийся миллионами рук, выковывает новых людей, сильных волей, умеющих преодолевать трудности, крепко спаянных великой целью.

Таковы наши челюскинцы.

Горячий им привет!

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

От имени миллионов

С бьющимся сердцем следил пролетариат всего мира за ходом челюскинской экспедиции, и я уверен, что буду действовать от имени миллионов зарубежных пролетариев, принимая участие в завтрашнем грандиозном чувствовании, приветствуя профессора Шмидта и его товарищей в связи с их возвращением из героической поединки и желая им счастья.

А. ТОЛСТОЙ

Заказ эпохи

Наша эпоха дает заказ работникам искусств, ставит тему о героической жизни. Эпопея челюскинцев, их поход, борьба и героическое спасение — это невыдуманная, живая романтика и пафос наших дней, способные оплотворить на создание больших литературных полотен.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Наши родные имена

В дни, когда радио каждый час приносит вести о судьбе челюскинцев, когда эти вести то укрепляли твердую уверенность в их спасении, то, посетив на эту уверенность, вселили тревогу, головы сотен и тысяч людей во всех углах земного шара жалко склонялись над географическими картами. Некому раньше известные названия полярных факторий и раий, мысов и островов, скромные имена летчиков, моряков и радистов стали родными для каждого из нас.

В дни, когда радио каждый час приносит вести о судьбе челюскинцев, когда эти вести то укрепляли твердую уверенность в их спасении, то, посетив на эту уверенность, вселили тревогу, головы сотен и тысяч людей во всех углах земного шара жалко склонялись над географическими картами. Некому раньше известные названия полярных факторий и раий, мысов и островов, скромные имена летчиков, моряков и радистов стали родными для каждого из нас.

И вот эти героические фигуры вырастают уже не только в нашем сознании, а перед нашими глазами, и пролетарская столица может крепко прижать их к своей груди, встать и радостно стали родными для каждого из нас.

За этими скромными именами в

сознании нашем выросли фигуры беззаветно преданных нашему делу героев, героев Советского союза, чья прекрасная поэтика вдохновляет всех нас в нашей большой работе.

ЧЕЛЮСКИНЦЫ В СВЕРДЛОВСКЕ

Молния от нашего специального корреспондента.

СВЕРДЛОВСК, 17 июня. Через несколько минут подлетит поезд. Над городом летят самолеты, разбрасывая цветы и ленточки со стихами. Вопреки солнцу на площадях выросли ледянки из фанеры и полотна. Они окружены многотысячными толпами.

Пролетарии Свердловска поднесут челюскинцам подарки из самоплетеных уральских камней, а также модели освоенных уральских машин.

На перроне гремит музыка. Поезд приближается...

А. КАМЕНГОРСКИЙ.

ВАШИ ПОДВИГИ ВДОХНОВЛЯЮТ О ЗАДАЧЕ, НИКОГДА НЕ СТОЯВШЕЙ ПЕРЕД ИСКУССТВОМ

Гравюра на дереве художника С. Бизов

В. ВОРОНИН

Ф. КОН

Одним из самых поразительных моментов в эпопею чюлькинцев является их организованное восприятие событий. Начиная с момента гибели парохода, когда Отто Юльевич Шмидт распорядился рубить наматы, чтобы организованно выловить предметы, всплывавшие на поверхность, организация лагеря, распределение работ и наконец точный распорядок отправления из лагеря — все это характеризует их как настоящих воспитанников коммунистической партии.

Этой же организованностью поражают мероприятия по помощи чюлькинцам. Организованная жизнь на льдине помогла им дождаться прилета самолетов.

Отразил в художественных произведениях большевистскую организованность героев — это имело бы громадное значение.

Книги о чюлькинцах должны быть проникнуты духом настоящей революционной романтики.

А. АФИНОГЕНОВ

Драма, разгравшаяся этой зимой во льдах Чукотского моря, — поэма. Трудно даже называть это «драмой» — так велики были сила и большевистская организованность ее героев, так непоколебима была их уверенность в победе. Именно в победе, а не в спасении — потому что подвиги совершенные героями, которых мы встречаем, не только вырвали из арктического плена сто одну человеческую жизнь, но и продемонстрировали стальную волю, не останавливающуюся ни перед льдами и туманами, ни перед горными хребтами, морозами и бурей. Эта воля — сила рабочего класса, его партии, его воли.

Героика чюлькинцев будет отражена во многих пьесах, романах и поэмах. Но помимо этого непосредственного отражения хочется, чтобы вся наша литература была проникнута тем замечательным духом нашей борьбы за социализм, который так ярко выявлен чюлькинской эпопеей.

Подвиги героев Советского союза будут вдохновлять не только наше поколение, но и поколение ровесников Карыны — младшей из чюлькинцев.

А. ЯКОВЛЕВ

Странно — нет слов. Нет настоящих слов выразить чувство, что так волнует при одном их имени — чюлькинцы.

Они — наша гордость, наша честь, наша слава. Их подвигом гордятся не только наша советская страна, но и все человечество. Вот какими должны быть герои.

И нужен новый Гомер, чтобы написать новую Одиссею.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Пройдет очень немного времени, — и наше искусство предстанет перед задачей рассказать о жизни и делах чюлькинцев и летчиков, — героев Советского союза. Эта задача уже стоит перед поэтами, художниками, валяями, работниками театра, перед всеми, кому дорога наша культура. Эта задача стоит перед нами как долг и как счастье. Счастье в том, чтобы отразить безусловно прекрасное. Перед такой возможностью художник вправе потерять самообладание, не найти в нужную минуту нужных средств выражения, — но он уже никогда не забудет о требовательной, зовущей, дещающей, как его собственная молодость, теме.

С той самой минуты, когда из лагеря Шмидта были спасены последние коматозные собаки в обледенелых ошейниках и над пустыней догнаны лагерь остался только красный флаг да могучая пустая синяя пена, изрезанного пропеллерами, — с той минуты у всех у нас было одно чувство. Сколько в нем было на долю памяти и сколько на долю надежды? О памяти не стоит говорить. Это част-

ное дело литераторов, с детства много читающих и не забывших даже капитана Гатераса.

Гораздо важнее надежда. Вместе с весной 1934 года, после каждой новой телеграммы с севера она выросла в уверенность. Ее можно сформулировать так. Жизнь — безусловно прекрасна. К ней стоит прежнее отношение. Близок день, когда мир будет переделан. Все, что искажает людские лица сегодня, — отчаяние, злоба, усталость, скука — все это должно исчезнуть.

Эта уверенность делает революцию, подымает черные полчища безработных на Западе, зовет людей к смеливости и риску. Она диктует лучшие стихи, освежает озоном картину мира, ведет колонны манифестаций к Белорусскому вокзалу навстречу нашим друзьям и братьям. Только бы жить — на этой зеленой или желтой земле, под этой могучей синевой, изрезанной пропеллерами, рядом с бьющимися по ветру красным флагом, — требовательным, как молодость, совесть, правда.

А. КРАВЧЕНКО

В чужой стране, вместе со всем миром я с восторгом и гордостью следил за подвигами наших героев. Люди были обречены на смерть и проявляли столько мужества и организованности, что такого примера в прошлом не найти.

Только большевистский закал и энергия могли таким образом противостоять стихии Арктики.

Книга «Лагерь Шмидта» была бы в ряде произведений о славном ледовом походе одним из достойнейших памятников героизму.

В этой книге и наш скромный труд художников мог бы воспеть доблести и мужество героев Арктики.

Зас. арт. республика

М. МАКСКОВА

На чествовании Отто Юльевича Шмидта в клубе мастеров искусства я очень жалею, что мне пришлось петь ему хабанеру. Я жила в Казачью, который читал стихи, посвященные чюлькинцам. Счастливы художники и писатели, которые могут выразить свой восторг в самостоятельных художественных произведениях. Нам же остается только петь то, что кем-то написано.

В надежде, что когда-нибудь смогу петь в опере, написанной на материале героического похода «Чюлькинцы». Мне кажется, что жизнь в лагере Шмидта должна лечь в основу музыкального произведения. Я начал работать над большой «Арктической симфонией». В первых частях ее отражено суровое безмолвие льдов, те трудности, которые ожидают человека в Арктике. Следующие части симфонии рисуют начало героического похода «Чюлькинцы», его гибель, ледовый лагерь и изумительное спасение. Последняя, заключительная часть симфонии — торжественный гимн радости, который поет пролетарская страна героям Советского союза и мужественным чюлькинцам.

Полярники, в частности тов. Ушаков, рассказывали, что тем, кто побывал в Арктике, скучно в Москве, что ледяные поля имеют какое-то особое притягательное воздействие на человека. Мне бы хотелось в будущих книгах о чюлькинцах почувствовать силу Арктики, ее влияние на психологию человека.

Академик

В. ВОЛГИН

Помимо общепонятного и чисто практического значения похода «Чюлькинцы» как важнейшего этапа в деле освоения Северного морского пути в героической эпопеи чюлькинцев особенно ярко проявились замечательные человеческие качества граждан нашей великой страны.

Творческие работники нашей страны не могут пройти мимо этого богатейшего замечательного материала. Рассказ о походе «Чюлькинцы» и жизни лагеря Шмидта должен создавать боевое настроение и уверенность в победе. Велико воспитательное значение будущих книг о героической эпопеи.

Я рад от имени Всесоюзной Академии наук приветствовать отважных героев по возвращении их в пролетарскую столицу.

Академик

А. БАХ

История человечества не знает ничего подобного героической эпопее чюлькинцев.

Впервые в тяжелых условиях ожесточенной борьбы со стихией произошло своеобразное соревнование между идеями коллективизма и индивидуализма. Победил коллективизм. То, что сделали чюлькинцы, лишней раз доказывает, что коллектив не подавляет личность, а, наоборот, толкает ее на проявление высших качеств: инициативы и самоотверженности.

Мне кажется, что героизм чюлькинцев нельзя ассоциировать ни с одним из выдуманных романтических героев книг. Мне кажется, что всю сложную эпопею жизни на льдине можно изложить просто и правдиво. Настоящая художественность заключается в том, что сама реальность — художественна. А что может быть более возвышенно, чем те дни, которые войдут в историю под названием «чюлькинские дни».

Книгу о чюлькинцах, по моему, должен написать большой коллектив из наших лучших мастеров слова.

С. ВАСИЛЕНКО

Привет славным из славных! Привет чюлькинцам в Москву — самый радостный день в нашей жизни. Героический поход является исключительной темой для создания монументальных музыкальных произведений. Я начал работать над большой «Арктической симфонией». В первых частях ее отражено суровое безмолвие льдов, те трудности, которые ожидают человека в Арктике. Следующие части симфонии рисуют начало героического похода «Чюлькинцы», его гибель, ледовый лагерь и изумительное спасение. Последняя, заключительная часть симфонии — торжественный гимн радости, который поет пролетарская страна героям Советского союза и мужественным чюлькинцам.

Нар. арт. республика

Л. СОБИНОВ

Когда я читал телеграммы о жизни лагеря Шмидта и о ходе спасения хабанер, мне часто вспоминался капитан Гатерас.

Капитан Гатерас — герой романа Жюль-Верна, был любимым героем моего детства. И сейчас я отчетливо помню его похождения. Капитан, плывавший по льдам, добрался до «огненной полюсы», находившейся в центре Северного полюса. Капитан был образцом выносливости, целеустремленности и железной воли. Я пытался сравнить его с Отто Юльевичем Шмидтом, но, конечно, нельзя сравнить даже самого замечательного выдуманного героя с героем жизни.

В Москву приезжают герои, которых не смог бы даже выдумать Жюль-Верна.

Б. ЛАВРЕНЕВ

Академик архитектуры А. ШУСЕВ

Замечательные дела чюлькинцев должны найти отражение в величественном монументе.

Мне кажется, что было бы правильно воздвигнуть временную колонну — монумент походу во льдах — в Центральном парке культуры и отдыха.

Как известно, правительство постановило соорудить в Москве большой монумент, посвященный чюлькинцам. Как видно, выбор для постановки его падет на Триумфальную площадь.

И сейчас работа над реконструкцией этой площади, которая будет одной из красивейших в Москве. Реконструкция площади будет закончена к 1935 г. К этому же времени должен быть воздвигнут и монумент.

Мне кажется, что нужно обить широкий конкурс между скульпторами на проект этого памятника.

Сам монумент я мыслю как группу чюлькинцев, обняющих прилета самолета. На постаменте его должны быть барельефы, отражающие отдельные этапы героического похода.

Единственный мыслимый стиль монумента большевистским героям — это стиль социалистического реализма.

Мне кажется, что нужно обить широкий конкурс между скульпторами на проект этого памятника. Сам монумент я мыслю как группу чюлькинцев, обняющих прилета самолета. На постаменте его должны быть барельефы, отражающие отдельные этапы героического похода.

Единственный мыслимый стиль монумента большевистским героям — это стиль социалистического реализма.

Мне кажется, что нужно обить широкий конкурс между скульпторами на проект этого памятника.

Сам монумент я мыслю как группу чюлькинцев, обняющих прилета самолета. На постаменте его должны быть барельефы, отражающие отдельные этапы героического похода.

ПРОБА КРОВИ

Старая Европа проверяла себя

Швед Мальгрен не дошел. Его не спасли. Передали комисс. Записки он не оставил. На Паппи было надето несколько костюмов. Мир был разочарован и огорчен. В бедствиях, в катастрофах скандинавский стиль эпохи. Ученый чех, вместе с итальянцами сидевший на льдине, оправдал спутников: — Вы не знаете ужаса торосов, которые подавляют человека. «Красин» шел с пологими вьюгами, собирая, как грибы в кузов, потерпевших крушение и спасителей. Под занавес приплыл увеселительный пароход: люди хотели посмотреть, как тут спасают. Они не знали ужаса торосов. Корабль потерпел аварию, и «Красин» спас этих зрителей. Заодно. Так отиграли европейские туристы масовку нравственной полярной катастрофы европейцев XX в. Советский летчик, советский бортмеханик и кинооператор, открывшие на разведке гниющих итальянцев, сумели, потерпев аварию, остаться спокойными, дать телеграмму, чтобы свиря спасали других.

Великие катастрофы — ужас торосов вскрывают человека, в них человечество берет у себя пробу крови. Когда нет земли под ногами, на льду, среди торосов вскрывается основное социальное в людях.

Проба крови, сделанная у европейцев несколько лет назад, была неудачна. Чех пытался оправдаться. Он говорил, что иначе нельзя.

Человек, который дал имя
мысу и проливу

Их первое стодегит проверяют люди себя в полярном море. Начиная в январе 1753 г. в книге «Сочинение и переводы, к пользе и увеселению служащих», о казаве Дежнев.

«Федот Алексеев холмогорец московского купца гостинной сотни Алексея Усова приказчик... усмотрев за потребо государева приказчика на реке Колыма для исправления того, что в пользу казенного интереса наблюдать должно. Казак Семен Иванов, сын Дежнев, пожелал в сей путь отправиться».

Дежнев начинает свою отписку объявлением о Большом Чукотском Посе. Шел он с тремя товарищами. «Большой посе пропонулся в море между севером и север-востоком и поворачивается кругом до реки Анадыря. Для полярного признаку в русскую (т. е. западную) сторону около одного вала в море речка, и там сделана чучками якорь банша из китовых костей. У одного носу разбито коцу служавого Герасима Анкудинова, и бывшие на нем люди переместились на остальные два коца. Семен Дежнев и Федот Алексеев... дали с чучками бой, в коем Федот Алексеев поранен. Коч Дежнева в октябре месяце выбросило на берег у реки Анадыря, а коч Федота Алексеева занесло на Камчатку, и жил он у речки и эту речку прозвал Федотовкой».

Почитали русских камчадалов как бы за богов, но в споре убит был русский, тогда камчадалы, увидев кровь, из ран текущую, догадались, что они смертные».

Были русские потом убиты камчадалами и коряками. Дежнев с двадцатью пятью казаками прошел по реке Анадырю. Шел двадцать дней и, не найдя людей, принужден был идти назад, но от голода и стужи возвратилось их к стану весьма мало.

Выл Дежнев опытен в боях и холья и раньше «на южнорусских мужиков оймогов».

Но сейчас ему было трудно, люди от него бежали. «Следующим летом 1649 г. летом отправился Дежнев с товарищами своими вверх по Анадырю и нашел по одной лодке, называемых анаулами, с коих взял первый на сей реку якорь (даль)».

Хотя они числом были и непоголыми, однако жили весьма противными (оказали сопротивление). В Ш.: того ради истреблены все в краткое время». В Анадырском остроге Дежнев про-

вел лето и зиму и через год получил помощь. Обратив морем Дежнев не пошел. Был в подозрени, ездил в Москву оправдываться и был назначен в якутский острог атаманом с окладом «двадцать рублей деньгами, да хлеба семь чети ржи, да четыре чети овса, да два пуда чети соли».

А путь, открытый Дежневым, был забыт. Такова биография человека, младшего имя мысу и проливу. Морем обратно он идти не ретался, знав, что не каждый год море освобождается ото льда.

Меридиан могилы Беринга

Отписка Дежнева лежала в архивах Якутского острога. Для ученых Америка еще соединялась с Азией. В 1717 г. просили Петра проверить это обстоятельство голландские ученые.

На некоторых старинных картах проливы существовали, но никто не знал, на чем основывается это полагание. Был послан Беринг. Приказание императором было дано в 1725 г.

Опуская подробности. Вышел бот «Гарпия» из устья Камчатки в море. Пройдя остров, который впоследствии стал местом смерти Беринга, корабль шел, постепенно теряя из виду берега с обеих сторон.

Беринг почел вопрос разделения Азии с Америкой решенным и повернул назад. Перезимовав на Камчатке, он пытался пройти на восток, но прогнал мисс Донатки, повернул на Большерецк. Отсюда вернулся сухим путем в Петербург после пятилетнего отсутствия.

Это был хороший моряк, но он уклонился от риска и гибели. Послал был Беринг второй раз. Поручено ему было отыскать Америку, устья Амура и обозреть берег Ледяного океана от Оби до Чукотского Носа.

Удачна, при второй достигли берега, две следующие попытки были снова неудачны. Сам Беринг, ежeminутно убеждался в неверности карт, шел на Америку, разлучился в бурю со вторым кораблем.

Беринг коснулся американской земли 20 июля. Потом видел несколько островов. Ветер дул с запада, над морем стояли туманы. Неделя по две и по три нельзя было увидеть солнца, не знали, куда идти.

Пыльга ослабла матросов. У руля приходилось ставить сразу троих. Паруса неслевали. Плыли в тумане. Собирались на совет все обер- и унтер-офицеры. Несли земли.

Неведомая земля показалась. По сей на камни. Потом ужасный вал перебриса судно через риф на тихое место. Здесь корабль понал на песчаное дно.

Песчаный остров, бегают голубые псы, не боясь людей, набрасываются на группы и на умирающих. Жили в ямах. В яме умер Беринг. Подчиненность исчезла.

Никто не знал, где находится корабль. Вскоре удостоверились люди, что море кругом. Странные звери, названные морскими коровами, дали мясо.

Были тюленей, боброр. Мясо морских боброр оказалось жистым. Были перр. Прислосесть мясо кита, которое буря выбросила недалеко от места высадки.

В марте месяце лейтенант Вакрен совоал весь экипаж. В живых осталось сорок пять людей. Единодушно решили строить бот из остатков судна. Но судно было казенное, и его не реталось ломать. Шли долгие совещания. Потом оказалось, что умер корабельный плотник. Тогда сибирский казак Савва Стародубцев, служивший простым работником на охотских верях, вызвался почитать постронть корабль. Нижнюю часть корабля осмогляи, вытопив смолу из остатков каната, верхние пазы замазали топленым жиром. Вот оказался хороших мореходных качеств. Выплыли в неведомое море, положив считать исходным меридианом меридиан беринговой могилы.

Море Лаптевых, мыс Челюскина

Ласиниусу Петру было поручено проехать по Деве в Ледовитый океан и обозреть северный берег Сибири и Камчатки. Вышел он из Якутска на дубль-шлюпике. 7 августа был в Ледовитом океане. 17 августа в устье одной реки приступил к устройству зимовья.

Во время зимовки в 52 человек экипажа умерло 37, в том числе и сам Ласиниус с женою. К началу весны в живых осталось только восемь человек, от них послано было донесение Берингу, и Беринг отправил команду в 16 человек на помощь.

Когда помощь прибыла к месту зимовки, живых людей там уже не было. Ласиниуса заменил Лаптев Дмитрий и Лаптев Харитон. Плавали они вдоль берегов на шлюпках. Зимовали, бросали сула. Входили в реки. Снова выплывали. Экспедиция продолжалась десять лет.

Группа Прончищева погибла от цинги в Аляске. У Прончищева помощником был Челюскин. После смерти Прончищева перешел Челюскин Семен в отряд Харитона Лаптева, и от устья реки Хангаи на собаках дошел он до крайней точки Азии и сделал описание берега. Журнал описан, насколько мне известно, до сих пор целиком не опубликован.

Все эти истории — истории гибели. Островов нехватает для того, чтобы назвать их именами погибших кораблей.

Пути судов похожи в этом море на спутанные витки. Лыль ходят, наступают, отступают. Зимой садятся на мели. Здесь лыль проверяют людей. Челюсчество дает здесь кровь на пробу.

Льдина Челюскина

Дело не в том, что сейчас есть самолеты и радио, потому что одновременно затрунили и задания, потому что стали глуже сиять сула. Дело в другом. Челюскинцы — это новый тип человеческого поведения на льду среди торосов. Дежнев и Челюскин, и братья Лаптевы, и геологист Чекин, который вернулся к Лаптеву цешком, описав берега, были крепкими людьми. Дело в другом.

В. ШКЛОВСКИЙ

Судно потерпело крушение. Оно погибло без крика «SOS». Потом на льду продолжалась та же самая корабельная советская жизнь, с ячеей, местком, советскими праздниками и культурой. Люди не изменили на льду системные организации. Они не начали гибнуть, а продолжали жить, не доверяя льду и доверяя советскому берегу. Итальянцы недоверчиво поведением Шмидта, оно было обыкновенным. Только чистота голоса, построение фразы изменились у чюлькинцев. Они изучали лед, слушали, как льхит лед от ледяных навзгнанных льдин, как гнется он перед тем, как лопнуть. Лед под ним был как дека скрипки, с этого резонатора голос звучал на весь мир. Ужас торосов для чюлькинцев был большим, чем ужас торосов для итальянцев. Они терпели бедствие в самом дальнем, в самом глухом море. А система поведения совсем другая. Оказалась иная кровь, иное человеческое качество, иное знание о себе и в своей стране. И прочитал описание того, как убирали Боброр и Воронин, оставшиеся одни на льдине, свой лагерь. Лыль прочли. Может быть, куда-нибудь прибыл остаток лагеря, — и лагерь чистили, мести. Натяжение полярной зимовки на льду — величайшее, которое знает человек, а люди остались совершенно обыкновенными, советскими. Мы ведь не заметили, что за эти время так изменился голос в нашей стране, так укрепилась человеческая душа. Приветствуем чюлькинцев. Героев советской обыкновенности. «А между тем родился эпос».

М. ДОЛМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА

Я была бы счастлива, если бы для меня нашлась роль в пьесе о чюлькинцах. Я не сомневаюсь, что такая пьеса будет написана.

И если когда-нибудь, где-нибудь в Арктике будет сооружен театр имени Отто Юльевича Шмидта, я поеду играть в нем на его открытии.

Гравюра на дереве художника А. Кравцова

А. БОБРОВ

КАРТА

Географическая карта с детства волновала меня. И в юности и позже просматривая я над картой в течение долгих часов. Что за дерзкие фантазии рождались при взгляде на карту! Какие смелые маршруты по местностям, которых не видел никто! И даже теперь, о многих местах земли знал гораздо больше, чем можно увидеть на самой подробной географической карте, не меньше прежде-го люблю я разбираться в ее очертаниях, вникать и... даже фантазировать.

Многие из карт оживают под пристальным взглядом. Условный извилистый знак на белой бумаге, обозначающий течение реки, воссоздает у бывшего на ней живую картину. Вспоминаются береговой откос и группы склоненных деревьев за поворотом дальнего берега, и заводи, и острова. И даже кажется, что слышишь вновь шепот и голос реки: ведь каждой шумливой реке свойственен собственный голос. Очертания знакомого острова при долгом разглядывании иногда вдруг шепчутся, теряют масштаб, туманятся и открывают перспективы знакомых до мелочей картин. Живыми видятся и небо, и холмы, и утесы, и все живущее на малом, окруженном водою клочке земли.

Люблю читать спелую карту. Ведь карта — отличный показатель уровня познания человека земли, где мы живем и умираем, земли — источника жизни. Новая карта — новая победа на фронте знания ее.

Совсем недавно присутствовала я при рождении удивительной карты. Оно происходило в одном из кабинетов Арктического института. Несколько людей с волнением и нетерпением следили за появлением маленьких точек на пустой географической сетке. Это были самые обыкновенные точки, уютные приключенью и обеды при помощи карандаша легкими кружочками с крестиками внутри. Сетка изображала неизвестную для человечества область к северу от мыса Челюскина. Вся эта область на карте отмечена была пунктирными линиями. В кабинет наведывались люди взглянуть, но приблизиться к ней не могли. Прошел почти год, прежде чем точки, скапливаясь, начали вырисовывать неправильный овал какой-то площади. Места этих точек — координаты, определенные астрономическим путем, сообщались нам по радио товарищами по институту полярными исследователями Ушаковым и Урашцевым.

Мы не сетовали на товарищей за промедление молчания. Многие из нас хорошо знали, что значит — определить астрономический пункт зимой под шестидесятью градусами широты. За каждым пунктом — долгий путь по ледяным, торосам и палатам. За каждым пунктом — страдания от мороза и вьюга, голод и усталость, окончание палатки. Каждый пункт — решительная победа над стихией Севера. И каждый шаг по новой для людей Северной Земле — триумф человечества, вступившего впервые на эту незнакомую землю. Результат же триумфа — возможность послать скупую телеграмму — несколько цифр, которые обозначают широту и долготу.

Наступило время, когда закончен был заключительный маршрут. Пришли последние цифры и сжато-сухо описанье вновь открытых людских земель:

«От пункта номер пятнадцать мыс «Сери и мелот», берег, образуя обширный залив, резко поворачивает на юго-восток, потом на северо-восток, на север и снова на северо-восток до крайнего к северу пункта номер шестнадцать — Мыс Молотова».

Точка на карте соединилась линиями. Линия отбоя границы огромных островов: Октябрьской революции, Большевикова, Комсомольца и Пинонера; обозначилась четкая между ними проливы и мысы. Северная Земля положена на карту. С волнением и гордостью чертили мы карту земли, завоеванной большевиками. И карта эта была первой в мире картой, составленной задолго до возвращения экспедиции на основании материалов, сообщенных по радио.

Родилась карта. Ее читают и юнша ищетать приключений, и зрелый путешественник; внимательно изучают ее моряки, геолог и экономист. Ее всегда перед глазами держат правитель и полководцев...

Географическая карта волнует. Она всегда напоминает о настоящем месте, занимаемом тобою на земле. Она пробуждает фантазию и зовет к участию в переделке лица родной, любимой земли.

Должен сознаться: теперь мне редко приходится фантазировать. Наоборот, все чаще представляются случаи упрекнуть себя, глядя на карту, за плохую, оквакую плохую, фантазию. Думал ли ты, спрашивая себя, об изумительных делах, свершившихся в знакомой, глухой и дикой Ланландии?

Теперь там совсем иное, не то, что встает привычно в туманной памяти при взгляде на хорошо изученную карту. Пересекла забытые мшистые тропы, там мчит по стальному пути роскошный экспресс. У озера Вульвар в пустынных неведомых Хибуских горах гордо красуется индустриальный город. Там дикая Нива укрощена и уложена в постель из бетона. Там вебоскребы растут на берегу Кольско-

го залива. Да назву ли все это? Собираю сочную морозку в пустынный колыбель гунаре, протянувшийся до западного допского озера Иманри, предполагал ли ты, фантазер, что ровно через двадцать пять лет увидишь среди этой же гунары прегушние ледков и георгини, грядки с колыбры и турнепсом и изумручную стену сочной зелени овса с васильками и — чудо — пятна набухшей соком роскошной виктории?

Письмо, пришедшее по воздуху на землю Франца-Иосифа из Ленинграда со штемпелем позавчерашнего числа; встреча с туземцем, получившим палатки ученой степени — он был совсем недавно диким кочевником на безымянном протоке малоизвестной северной реки; карта готовой к постройке железной дороги Аляске за полярным кругом, целиком пролегающей по вечно мерзлоте; другая карта — путей самолетов к лагерю на льдине с красным флагом посреди торосистого Чукотского моря, — нет, жизни куда причудливее фантазия!

На некоторых картах, хранящихся в моем столе, поставлены значки. — это места, где решались судьбы людей.

Две точки севернее Шпицбергена. Одной из них отмечены координаты места падения воздушного шара шведского инженера Андра. Другая означает: здесь гибель итальянцев; здесь же рождение славы советских спасителей. Вот крестик на извилистой льдине, он поставлен южнее Якутска. Здесь погиб замечательный летчик Кальвин; он первым проложил воздушный путь на Лену с Дальнего Востока на северные моря. Такой же крестик и на Новой Земле, — там же превращалась наветра полет его товарища Лилиаса. Еще одна отметка, где жертвы Эдвельсона были найдены советскими летчиком Сленевским. Это памятники героям-разведчикам воздушного пути на Дальнем Севере.

Их особенность люди? Да, для мира, не знающего людей и жизни в стране Советов. Мир удивлялся героизму мужчин и женщин с «Челюскина», мир недоумевал. Дройла на корабле великий северный путь за сорок дней, эти люди почти достигли цели, они находились в проливе Беринга, готовились к встрече с рыбами и близкими. Но у самого порога победы корабль оказался в плену у льдов, несущихся к северу. Дальше — зима бесперерывная ночь. Дальше — потеря активности. Надежда освобождения палает. Корабль дрейфует на север, к полюсу.

Что же — упадок духа, подавленность, раздор и первобытно-дикое ссоры людей, охваченных жгучей жаждой жизни? Нет. Нет, челюскинцы веселы. Они живут дружно, ведут научную работу, досуг заполняют чтением и играми. Время идет. Пришла минута испытания. Сжатые льды и страшный момент гибели корабля... Сто шесть человек остались без крова на плывущей льдине, в ледяном море, делаем за тысячу километров от центров культур...

Что же — страх и отчаяние? Молбы о спасении? Волны в эфир: «Всем, всем — «SOS» — (save our souls — спасите наши души)? Нет. Знака «SOS» челюскинцы в эфир не посылают. Почему? Быть может испортилось радио? Нет, аппараты в полной исправности. Радист с «Челюскина» деловито сообщает товарищу с ближайшей станции на материке: «Сейчас мы оставляем судно, спускаем лед. Успели спустить самолет и две шлюпки». Вынесли передатчик. До следующей связи ничего не предпринимают». И на следующий день: «На льдине все благополучно, здоровья, родным нет оснований беспокоиться... Что за странные люди, — изумлялись весь советский мир. «Не беспокоиться! На что они надеются».

Мы тревожились, но не изумлялись. Настоящие люди. Держатся они, как следует держатся граждане великой и свободной республики труда. Она не отказывала в помощи иностранцам, не оставит, конечно, без помощи своих pioneers, посланных для разведки новых путей. И еще знали мы одну великую истину: все наши неудачи всегда превращаются в конечном счете в триумф.

Смотрю на карту. Она — чудесный показатель урочия культуры. По карте я вижу, как много раскинуто всюду очагов советской культуры. Они растут с каждым месяцем. В каждом есть свои пионеры, свои челюскинцы. Их много, мужественных и стойких людей, на севере и юге, в восточном и западном. И с каждым годом становится все больше, — страна Советов лучший воспитатель.

М. СЛОНИМСКИЙ

Челюскинец Сергей Семенов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сергей Семенов пишет пьесу о челюскинцах.

Дружеский шарж Н. Радлова

Ощущение неисполненных обязанностей, незавершенности замыслов, подчас бессомнотности своей перед великолепием и разнообразием жизни, недовольство собой, своими книгами — все эти чувства знакомы каждому настоящему писателю. Желание работать лучше и лучше рождает великую жажду ко всякому знанию, к новым обогащающим душу впечатлениям, гоня подчас писателя по свету. Давно — коварнейшая подставка для тех, кто в них видит некую цель и, добившись их, успокаивается, — почивший на лаврах обречен на беспамятность.

Сергей Семенов — не из числа тех, кто склонен почивать на лаврах. Это — рискованный писатель и рискованный человек. Не в первый раз жажда освободить все богатства нашей страны делает его путешественником. В Арктике он второй раз — он из тех челюскинцев, которые уже однажды на «Сибиряков» прошли опасный северный путь. Участник гражданской войны, раненный и контуженный, он вообще получил огромный жизненный опыт лучших людей нашей страны. В этом опыте — отличное знание смертельной опасности, и потому храбрость такого рода людей — это храбрость устойчивая, храбрость людей зрелых, знающих, что такое жизнь и что такое смерть. Их жизненный опыт таков, что преданность делу социализма живет в сознании как основа всех поступков. Эти качества, отличающие гражданина страны Советов, ощущаются от всего мелочного и в момент критического становится видны всему миру, радуя друзей и устрашая врагов.

Победу людей, трагической гибелью «Челюскина» брошенных на неверную льдину, мы приветствуем как победу нового человека, как знак огромных изменений в сознании нашего Сергея Семенова, известного ленинградского писателя, — одна из этих легендарных челюскинцев. Его поведение в угрожающих смерью условиях было поведением, достойным гражданина страны Советов, достойного советского писателя, коммуниста. Мы, писатели, справедливо можем гордиться своим товарищем, обнаружившим мужество и выдержку в тяжелые минуты опасности. Мы можем гордиться и тем, что наш товарищ был секретарем экспедиции и

оправдал доверие возложивших на него эти обязанности, — в этом сказалась особенность советского писателя, которому чужда профессиональная кастовая узость. Теперь, когда опасность позади и можно уже расслабиться с давним приятелем и поздравить его с благополучным возвращением, Сергею Семенову остается выполнить свой профессиональный долг. У нас мало еще книг об Арктике. Есть превосходные вещи И. В. Пинегина, Ив. Соколова-Микитова и немногих других, и вот теперь от такого писателя, как Семенов, от одного из крупнейших наших писателей мы ждем высокоценного произведения о памятнике «Лагерь Шмидта». Произведения правдивого и яркого.

Мы уже можем судить о необычайных событиях, взволновавших весь мир, о героях-летчиках по тем немногочисленным еще рассказам, которые

Н. ПИНЕГИН

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

Сегодня и завтра подвоятся итоги чудесной эпопеи «Челюскина». Оглядываясь на прошлое, месяцы ледяного сидения, героическую поему спасения, прислушиваясь к всемирному аху, которое вызвала эта героическая поэма, мы скажем с удовлетворением и гордостью:

Рухнули все звукопроницаемые перегородки, которые пытались построить враги между Советской страной и капиталистическим миром, они рухнули перед огромным, всеохватывающим интересом мира к тому, что происходило на льдине челюскинцев. Даже белые эмигрантские газеты (о которых как-то не хочется вспоминать в эти чудесные дни), даже враги были принуждены разжать сомкнутые челюсти и пронести членораздельные слова о героизме и выдержке «русских» полярных исследователей, о подвигах «русских летчиков», «Слава русским летчикам!» — выдвинул из себя один эмигрантский журналчик.

Слава русским летчикам... Да, многие из этих летчиков русские по национальности. Кстати сказать, Пивенштейн — не русский по национальности и проезжая через Биробиджан, автономную еврейскую область, отвечал на приветствия из родного языка.

Дело не в том, что это были русские по национальности летчики. Они могли быть узбеками и белорусами, украинцами и чеченцами, но они непременно дети трудового народа, дети своей великой родины, Советского Союза. Они были, есть и будут пролетариями, комсомольцами, коммунистами, то-есть интернациональцами, для которых слово русский звучит совершенно так же, как слово еврей, белорус и грузин, и совсем не так, как это слово понимает белая сволочь.

«Русские» в понимании белых — русские солдаты, пехотинцы, артиллеристы, летчики — порой были храбрыми и отважными людьми.

«Русские» сражались с обычной для них пассивной храбростью, — писал Маркс в 1855 г.

«Солдат наш особенно храбр, когда его ведут, сам он идти не может, потому что не мыслит, не чувствует...», — писал Лев Толстой.

Не эту ли исконую «русскую» храбрость пытаются приписать нашим советским летчикам белые? Безнадлежа и непроходимая глупость! Подвиг, доблесть, слава русских и не русских по национальности советских летчиков, полярных исследователей, ученых есть слава всей страны Советов, слава всех ее республик и областей, всех наций, населяющих Союз, всеветная, всемирная слава трудящихся нашей планеты. И в этом единственная, неповторимая и для кого особенность нашей славы.

Эти нестройные, стремительные мысли приходят в голову в те часы, когда паровоз одного из знатных лючек нашей родины, паровоз машиниста Томке с каждой минутой сокращает расстояние, отделяющее столицу Союза от людей подвига, доблести и славы, от наших челюскинцев и их спасителей.

М. СЛОНИМСКИЙ

Челюскинец Сергей Семенов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сергей Семенов пишет пьесу о челюскинцах.

Дружеский шарж Н. Радлова

Ощущение неисполненных обязанностей, незавершенности замыслов, подчас бессомнотности своей перед великолепием и разнообразием жизни, недовольство собой, своими книгами — все эти чувства знакомы каждому настоящему писателю. Желание работать лучше и лучше рождает великую жажду ко всякому знанию, к новым обогащающим душу впечатлениям, гоня подчас писателя по свету. Давно — коварнейшая подставка для тех, кто в них видит некую цель и, добившись их, успокаивается, — почивший на лаврах обречен на беспамятность.

Сергей Семенов — не из числа тех, кто склонен почивать на лаврах. Это — рискованный писатель и рискованный человек. Не в первый раз жажда освободить все богатства нашей страны делает его путешественником. В Арктике он второй раз — он из тех челюскинцев, которые уже однажды на «Сибиряков» прошли опасный северный путь. Участник гражданской войны, раненный и контуженный, он вообще получил огромный жизненный опыт лучших людей нашей страны. В этом опыте — отличное знание смертельной опасности, и потому храбрость такого рода людей — это храбрость устойчивая, храбрость людей зрелых, знающих, что такое жизнь и что такое смерть. Их жизненный опыт таков, что преданность делу социализма живет в сознании как основа всех поступков. Эти качества, отличающие гражданина страны Советов, ощущаются от всего мелочного и в момент критического становится видны всему миру, радуя друзей и устрашая врагов.

Л. НИКУЛИН

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

Сегодня и завтра подвоятся итоги чудесной эпопеи «Челюскина». Оглядываясь на прошлое, месяцы ледяного сидения, героическую поему спасения, прислушиваясь к всемирному аху, которое вызвала эта героическая поэма, мы скажем с удовлетворением и гордостью:

Рухнули все звукопроницаемые перегородки, которые пытались построить враги между Советской страной и капиталистическим миром, они рухнули перед огромным, всеохватывающим интересом мира к тому, что происходило на льдине челюскинцев. Даже белые эмигрантские газеты (о которых как-то не хочется вспоминать в эти чудесные дни), даже враги были принуждены разжать сомкнутые челюсти и пронести членораздельные слова о героизме и выдержке «русских» полярных исследователей, о подвигах «русских летчиков», «Слава русским летчикам!» — выдвинул из себя один эмигрантский журналчик.

Слава русским летчикам... Да, многие из этих летчиков русские по национальности. Кстати сказать, Пивенштейн — не русский по национальности и проезжая через Биробиджан, автономную еврейскую область, отвечал на приветствия из родного языка.

Дело не в том, что это были русские по национальности летчики. Они могли быть узбеками и белорусами, украинцами и чеченцами, но они непременно дети трудового народа, дети своей великой родины, Советского Союза. Они были, есть и будут пролетариями, комсомольцами, коммунистами, то-есть интернациональцами, для которых слово русский звучит совершенно так же, как слово еврей, белорус и грузин, и совсем не так, как это слово понимает белая сволочь.

«Русские» в понимании белых — русские солдаты, пехотинцы, артиллеристы, летчики — порой были храбрыми и отважными людьми.

«Русские» сражались с обычной для них пассивной храбростью, — писал Маркс в 1855 г.

«Солдат наш особенно храбр, когда его ведут, сам он идти не может, потому что не мыслит, не чувствует...», — писал Лев Толстой.

Не эту ли исконую «русскую» храбрость пытаются приписать нашим советским летчикам белые? Безнадлежа и непроходимая глупость! Подвиг, доблесть, слава русских и не русских по национальности советских летчиков, полярных исследователей, ученых есть слава всей страны Советов, слава всех ее республик и областей, всех наций, населяющих Союз, всеветная, всемирная слава трудящихся нашей планеты. И в этом единственная, неповторимая и для кого особенность нашей славы.

Эти нестройные, стремительные мысли приходят в голову в те часы, когда паровоз одного из знатных лючек нашей родины, паровоз машиниста Томке с каждой минутой сокращает расстояние, отделяющее столицу Союза от людей подвига, доблести и славы, от наших челюскинцев и их спасителей.

М. СЛОНИМСКИЙ

Челюскинец Сергей Семенов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сергей Семенов пишет пьесу о челюскинцах.

Дружеский шарж Н. Радлова

Ощущение неисполненных обязанностей, незавершенности замыслов, подчас бессомнотности своей перед великолепием и разнообразием жизни, недовольство собой, своими книгами — все эти чувства знакомы каждому настоящему писателю. Желание работать лучше и лучше рождает великую жажду ко всякому знанию, к новым обогащающим душу впечатлениям, гоня подчас писателя по свету. Давно — коварнейшая подставка для тех, кто в них видит некую цель и, добившись их, успокаивается, — почивший на лаврах обречен на беспамятность.

Сергей Семенов — не из числа тех, кто склонен почивать на лаврах. Это — рискованный писатель и рискованный человек. Не в первый раз жажда освободить все богатства нашей страны делает его путешественником. В Арктике он второй раз — он из тех челюскинцев, которые уже однажды на «Сибиряков» прошли опасный северный путь. Участник гражданской войны, раненный и контуженный, он вообще получил огромный жизненный опыт лучших людей нашей страны. В этом опыте — отличное знание смертельной опасности, и потому храбрость такого рода людей — это храбрость устойчивая, храбрость людей зрелых, знающих, что такое жизнь и что такое смерть. Их жизненный опыт таков, что преданность делу социализма живет в сознании как основа всех поступков. Эти качества, отличающие гражданина страны Советов, ощущаются от всего мелочного и в момент критического становится видны всему миру, радуя друзей и устрашая врагов.

Н. УШАКОВ

«ЧЕЛЮСКИНСКОЕ»

Там и холод льдины многоглавой, и снегов летучих равный дым. Но как быть нам — с нашей хитрой лавой — сухопутным и немолодым? Мы бледнеем от пустого фаната: на душе у нас нехорошо, если критик наш или редактор не по нашей улице прошел. Мы не спим, и тишины нам мало, — мы не спим, хотя, в конце концов, и жилаплощадь не грозит провалом, и не слышно передвижки льдов. Ночь обычна. Небо ясно в меру. Несмотря на самый поздний час,

всюду ходят милиционеры, несомненно, охраняя нас. В магазины хлеб для нас отрав, равно дышет хлебозавод. Может быть, не думать нам о славе, и тогда она сама придет? Об одном лишь думать нам, чтоб может: чтоб была у нас строка верна, чтоб мир стихотворенья ожил, как на храбром сердце ордена.

С. ЭЙЗЕНШТЕЙН

НЕСРАВНИМОЕ

Мы храним и уважаем прошлое. Его опыт и достижения мы пользуем в создании своего нового и будущего. В освоении нашего социалистического сегодня мы в области искусства и культуры опираемся на опыт и достижения общечеловеческого вчера. Его преодолеваем и превосходим. В возникающем из-под наших рук своем и новом мы узнаем переключку в средство со всем полудом выспити и лучших достижений прошлого. Но часто мы создаем и свое беспрепятственно. И стандарты для искусства мы тогда начинаем формулировать образцами нашей социалистической действительности и строями. Мы не говорим: «Классицизм искусства» или «Акрополь художеств». Мы говорим: «Матриострой». Совершенно так же, как «советский Манчестер» скоро начнет служить образным образцом для Манчестера Великобританского, мы услышим, как его научат называть «английским Иваново-Вознесенском».

Иногда мы может быть слишком скромны и скромны на собственную беспрепятственность. Мы готовы безобидность явлений сегодняшнего порядка равнять и ассоциировать там, где ни равенства, ни сравнения, ни ассоциирование нет места. И ничто не имеет большего основания именно к такому ни с чем не сравнимому, чем челюскинская эпопея. Не напрасно хочется говорить эпопея, потому что для меня героика похода «Челюскина», героика спасителей «Челюскина» и всей страны с партией и правительством во главе мобилизуемой на спасение кучки людей на льдине в Арктике, никак не ассоциируется с обычными образами и образами романтики и романтической литературы.

Ни Жюль-Верн, ни Ребинзон, ни Жаклоно не приходят на ум. Элла, поход аргонавтов, Одиссея, Иллида — вот что хочется вспомнить, если уже нужно литературное сравнение. Но масштаб, размах и пафос этой эпопеи в первую очередь вызывают в памяти другую эпопею — тоже не писанную и тоже не из области литературы. Это — эпизод 1905 года, когда так же из конца страны в конец поднялся мощный голос пролетариата и угрозой всеобщей забастовки вырвал из царского правительства жизни нескольких приговоренных к смерти в маленькой туркестанской крепости Кушка.

В героике 1905 года это один из самых захватывающих эпизодов, ибо в нем уже сквозит та победная спайка всего рабочего класса, который дальше расправляется с паразитом, интервенциями и пережитками классового врага и вредителя.

1905 год — это «генеральная репетиция» Октября, в эпизоде с Кушской звучит также предельной и в отношении к цели тех героических событий, в которых эпопея челюскинцев — одно из первых и начальных звеньев. Мобилизация сил всего рабочего класса под боевым руководством большевиков вырывает из-под царской пули жизни обреченных. Большевики, уничтожив парскую Россию, с такой же решимостью выхватывают жизнь своих лучших сынов из неумолимых лап природы.

Сколько общего и какое громадное различие и какое победное ощущение в этом покорении царства природы в самых ее страшных и жестоких проявлениях, после того, как покончено с классовым врагом.

Мы бы не хотелось ни романа, ни повести, ни драма на тему о челюскинцах. Действительность превосходит все эти формы. Мы бы хотели видеть собранными и названными записи, дневники, рассказы участников. Внимательно и любовно собранный материал зарисовок и фотографий, которыми пестрят сейчас газеты. Мы бы хотели иметь закрепленными все данные по всей стране, касающиеся героев льдины далекой Арктики. Это был бы лучший литературный памятник тому событию, с познанием которого с трудом мы справился Гомер или безымянные коллективы авторов древних эпосов. Такую книгу мы ждем.

События, участником которых был Семенов, требуют такой силы изображения, которая соответствовала бы сложному и, я бы сказал, естественному величию совершаемых подвигов. Мы будем терпеливо ждать книги Сергея Семенова. А сейчас, в радости, что наш товарищ, живой и бодрый, вернулся к нам с далекой дрейфующей льдины, мы сердечно приветствуем его и гордимся им. Крепко ждем твою руку, Сережа!

Гравиора на дереве художника Я. Аллер

В. МОЛОКОВ

Герои Советского Союза! Не было и нет в мире выше, почетнее и значительнее этого звання. Герои страны, в которой навсегда уничтожены рабство, нищета, эксплуатация человека человеком. Герои страны, в которой строится новое общество свободных людей, в которой куется счастье человечества.

Вот они эти герои: МОЛОКОВ, КАМАНИН, ЛЯПИДЕВСКИЙ, И другие — отважные пилоты, лучшие из лучших летающих людей советской страны: ЛЕВАНЕВСКИЙ, СЛЕПНЕВ, ВОДОПЬЯНОВ, ДРОНИН. Их имена знает весь Союз, их знают в лицо миллионы трудящихся.

Наши герои не похожи на героев прошлого. Они простые и скромные, эти замечательные советские люди, люди племени Ленина и Сталина. Когда их спрашивают о героизме, когда их называют героями, они смущенно улыбаются и говорят:

Гравиора на дереве художника А. Соловейчик

Н. КАМАНИН

— Ничего особенного. Мы просто выполнили наш долг. Ведь этого требовала страна, этого ждала от нас партия.

А за свою социалистическую родину, за генерального кормчего социалистической революции — большевистскую партию — советские люди готовы отдать жизнь.

И ничто не остановило отважных. Преводолены ледяные просторы. Победено время, природа, стихия. Задание партии выполнено. Все челюскинцы спасены.

Потому что «НЕТ ТАКИХ КРЕПОСТЕЙ, КОТОРЫХ БОЛЬШЕВИКИ НЕ МОГЛИ БЫ ВЗЯТЬ».

Привет же вам, товарищи, нашим родные, любимые друзья, наша гордость, наши герои!

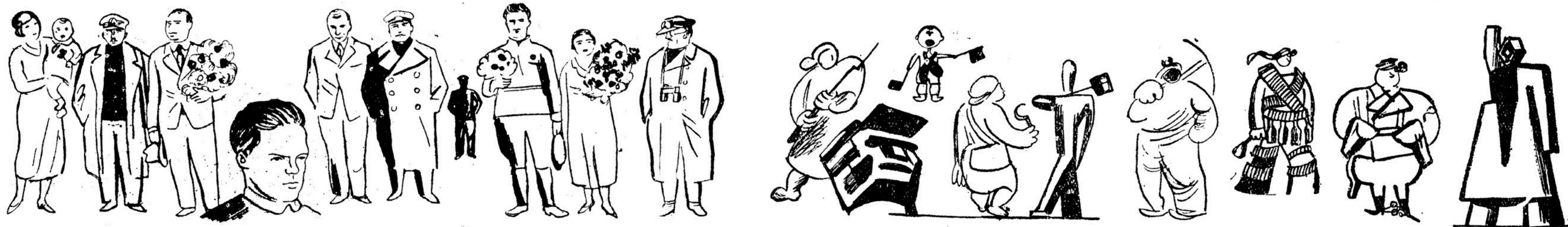
Привет вам, товарищи: МОЛОКОВ, ЛЕВАНЕВСКИЙ, КАМАНИН, ДРОНИН, ВОДОПЬЯНОВ, ЛЯПИДЕВСКИЙ, СЛЕПНЕВ!

Гравиора на дереве художника И. Шпинель

А. ЛЯПИДЕВСКИЙ

Все гравиоры на дереве, помещенные в номере, предоставлены нам Государственным технико-теоретическим издательством, готовящим и печати книгу о завоевании Арктики.

ГЕРОИ — КАК ОНИ ЕСТЬ.

ГЕРОИ — КАК ОНИ ИНОГДА ИЗОБРАЖАЮТСЯ.

Писательские съезды и конференции

НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ БССР

От нашего специального корреспондента

МИНСК, 15 июня. Трехдневные объединенные прения по докладам и содокладам, развернувшиеся на первом съезде писателей советской Белоруссии, отличались значительной чертой, характеризовавшей всю обстановку работы съезда: основные творческие кадры советской литературы БССР выступали с трибуны съезда под знаком полного единства идейно-художественных устремлений. В выступлениях этих ораторов не только политическое единство старых писательских кадров, связанных в прошлом с национал-демократизмом, решительно вставших теперь на платформу советской власти, и молодых писателей, рожденных Октябрьской революцией и выросших комсомолом; чувствовалось не только единство пролетарского интернационализма белорусских, еврейских, русских, польских, литовских писателей, создающих на различных национальных языках единую, социалистическую литературу; чувствовалось и поразительно профессионально-производственное единство, благодаря которому прения единодушно выступали против критика, несправедливо расценившего в своем докладе творчество двух-трех поэтов, но безжалостно открыто критиковали друг друга за действительные творческие ошибки, подробно, конкретно анализируя произведения друг друга с производственно-технической точки зрения, как и с идейной их стороны. Нужно сказать при этом, что литераторы БССР проявляли при этом такое детальное знакомство с творчеством друг друга, независимо от национального языка и жанра, которым далеко не всегда могут похвастаться писатели РСФСР. Вместе с тем нужно честно сказать, белорусским товарищам: многие из них еще не избавлены от несколько прозаично-обывательского характера суждений, сужающего их кругозор и тормозящего их идейно-художественный творческий рост. Речь идет об «обиходах» на критику, об огульном охаивании критики в целом только за то, что какой-нибудь критик, может быть даже и не без оснований, неудачливо отозвался о произведении данного автора. Вместо того, чтобы спорить с этим кри-

стиком по существу и убедить аудиторию в его неправоте, «обихаживая» автор за частую ограничиваетя руганью. Не окончательно добита еще и групповщина. Но съезд показал, что белорусская писательская общественность не намерена прощать попытки сохратить или оживить групповщину. Такой попыткой явилось выступление на съезде бывшего рапповского критика и редактора Белгосиздата т. Бенде, утверждавшего при общем возмущении всего съезда, что им «описан» при редактировании ряд сцен и глав в произведениях крупнейших белорусских писателей. Бенде пытался опорочить и бессюжетные политические положения основного съездовского доклада т. Кликовича и деятельность руководящих работников белорусского Оргкомитета. Однако, выступление Бенде, известного в литературных кругах Белоруссии своей групповой околитературной деятельности, при всех беспорядках засадах тов. Бенде в период разоблачения нацдемовщины, является по-прежнему, по удачному выражению одного из ораторов, его «лебединой песней» в белорусской литературе. Съезд показал, что писатели советской Белоруссии четко осознают свои задачи в области дальнейшей упорной борьбы с остатками национал-демократических влияний, в том числе и в области отношения белорусской литературной речи от националистических элементов и в отношении повышения общего идейно-художественного уровня белорусской литературы и национальных литератур БССР. Осуществляя эти задачи под руководством вновь избранного правления Союза советских писателей БССР, редакция дозвнит литературной учебно-педагогической литературы с трибуны съезда, литературная общественность советской Белоруссии невольно придет к своему второму съезду, с новыми значительными творческими достижениями. Д. НАЛЬМ.

О. Ю. Шмидт в клубе мастеров искусств

В теплоте этой встречи растворились воспоминания о суровых льдах Арктики. Мастера искусств встречали Отто Юльевича Шмидта радостно, любовно, горячо. 15 июня они пришли в свой клуб. К ним — ПЕРВЫМ — приехал Отто Юльевич вместе с Г. А. Ушаковым. Мастера искусств приветствовали его и в речах Ф. Я. Кона, В. Н. Пашенной, Л. В. Соколова и в художественных выступлениях В. И. Качалова, В. В. Барсовой, М. П. Минского, В. Я. Хенкина, М. М. Носимовой, И. С. Ноздровского, Д. А. Кара-Дмитрия, А. А. Менделевича.

СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ

Всесоюзный Оргкомитет горячо приветствует конференцию писателей орденского края им. великого пролетарского писателя И. Горького. Развитие в республиках края (Чувашия, Мордовия, Удмуртия) литератур национальных по форме, социалистических по содержанию, рост литературного массового движения, творческий рост ряда писателей, выдвижение молодяка — все это доказывает, что учеба и работа писателей края дали несомненные успехи. Всесоюзный Оргкомитет надеется, что, еще упорнее работая над художественной формой произведений, над культурой языка, писатели Горьковского края дадут стране значительные художественные произведения, показывающие богатейшую социалистическую действительность края. На встрече писателей с делегатами XVII партсъезда т. Жданов сказал: «Горьковский край — печатный край тем и работы для писателей». Гигантский социалистический промышленный (автозавод, химкомбинат, Балхннский бумкомбинат и др.), успехи в социалистической перестройке деревни, рост нового человека — вот темы, которые еще ждут художественного изображения. Оргкомитет уверен, что краевая конференция поможет творческому росту писателей, и в крае, носившем имя великого пролетарского писателя, будут созданы произведения, достойные нашей эпохи. ВСЕСОЮЗНЫЙ ОРГКОМИТЕТ

Горький Свердловск

ГОРЬКИЙ. (По телефону от наш. корр.). 18 июня в Горьком открывается первая краевая конференция, на которую прибыли делегаты Чувашской республики, Удмуртской и Марийской областей, а также большое количество представителей Горьковского края. Проведение накануне конференции трех национальных автономий, а также ряд читательских конференций показали, что читатели края проявляют чрезвычайно большой интерес к вопросам литературы. Вместе с тем эти конференции отметили огромный рост литературного движения, особенно в национальных автономиях. На краевую конференцию писателей прибыли большое количество гостей, в том числе т. Г. Коробельников, А. Гилад, А. Исбах. Вечернее заседание 19 июня предполагается провести на автозаводе им. Молотова. Рабочие завода готовятся к встрече с писателями. ДАГЕСТАН

ПЯТИГОРСК, 17 июня. В Малах-Кале открылся первый съезд советских писателей Дагестана. Присутствуют многочисленные гости с фабрик и колхозов. Президиум ДагПИИ в ознаменование съезда присвоил название народных поэтов старейшему певцу дагестанской бедноты Сулейману Стальскому, аэрокому поэту Гамазд Назаса и поэту кумыкской бедноты Абдулле Магомедову. Съезд исключительно тепло встретил седоголовых поэтов Стальского и Магомедова, выступивших с четкой своих произведений. (РОСТА).

Со съезда туркменских писателей

ПИСЬМО ИЗ ТУРКМЕНИСТАНА. На первый всотуркменский съезд советских писателей из всех районов республики собралось до 50 писателей. Участие в работах съезда представляли другие виды искусства — театр, музыка, кино — режиссеры, артисты, музыканты, а также бригады писателей всесоюзного Оргкомитета приняли съезду характер большого культурно-политического события в жизни республики. Вся республиканская печать в дни съезда уделяла много внимания его работам. Газеты на туркменском и русском языках выходили с литературными страницами. «Туркменская искра» дала образец прекрасно составленной литературной странички на материале о Туркмении русских и туркменских писателей. Советская Армения прислала для участия в работах съезда одного из лучших своих поэтов Азата Витуну. Странным, чтобы не сказать больше, было поведение Средазборю советских писателей, не приславшего на съезд не только своего представителя, но даже приветствия. А от этой организации туркменские писатели законоп ожидали внимания и помощи в работе. На съезде были заслушаны доклад председателя Оргкомитета т. Таш-Назарова о работе Оргкомитета и содоклады о состоянии и задачах драматургии в Туркмении и о работе с начинающими авторами т. Шаали Кендиова. Вопросы тематики, борьбы за качество, вопросы организации единого литературного языка, борьба с националистическими пережитками в литературе, вопросы учебы, выде-

Литературная жизнь Грузии

ПИСЬМО ИЗ ТИФЛИСА. В подготовке к всеоюзному съезду втянуты не только писатели Грузии, но и широкие читательские массы. Развернулась творческая дискуссия по основным вопросам грузинской литературы. Проведен разбор наиболее значительных произведений советских писателей Грузии. Особенно оживленно прошла дискуссия «О художественном очерке» (доклад т. С. Чинсвани), «О поэтическом фронте в Грузии» (докладчик т. Б. Ягенти) и «О языковой культуре» (доклад т. Торошелидзе). Ряд вечеров был посвящен разбору произведений Н. Лордкипанидзе «Долгой кукурузной республике», Нутатели «Липом к лицу», Д. Шенгелая «Бата Кения» и др. Все дискуссии проходили при оживленном участии актива писателей и способствовали разработке основных проблем советской литературы. С активным участием читателей проходят читательские конференции по предприятиям и рабочим клубам Тифлиса. На них обсуждаются новые произведения грузинских писателей П. Чхиквадзе, Н. Лордкипанидзе, А. Нутатели, Т. Табидзе и др. В процессе подготовки к съезду усилены свою работу литературно-консультативный кабинет (руководитель Лео Киачели, Ш. Далиани, И. Абашидзе и др.). Госиздат Грузии в всеоюзному съезду выпускает специальный сборник, посвященный творчеству молодых писателей. В период подготовки к съезду усилилась работа советских писателей по линии оборонной литературы. Содействовал развитию активной работы писателей с командующим Кавказской краснознаменной армии т. Левандовским, членом Реввоенсовета Ярдвем и с другими руководящими работниками Красной армии. Писатели Ш. Далиани, К. Лордкипанидзе, Лео Киачели, С. Чинсвани, А. Мошавили и др. прикреплены на весь лагерный период в отдельные части Красной армии для изучения быта и жизни красноармейцев и для их художественно-литературного обслуживания. Значительным событием в литературной жизни Закавказья явилась недавно закончившаяся закавказская конференция армейских писателей. В ней участвовало около 150 начинающих писателей из красноармейцев разных национальностей. Конференция обсудила основные творческие вопросы советской литературы и особенно военно-оборонной тематики. К работе были привлечены лучшие писательские и критические силы Закавказья. В. В.

Илья Эренбург в Москве

Вчера в Москву приехал Илья Эренбург. На фото — на вокзале, Илья Эренбург, И. Ильф и Е. Петров.

ТЕКСТ МОНТИРОВКИ ПЕРВОГО СПЕКТАКЛЯ «РЕВИЗОРА». ЛЕНИНГРАД. (Наш. корр.). Докладом Академии искусствования С. С. Даниловым обнаружен в архивных документах театра Драки ценнейший документ по специальной истории «Ревизора» — полный текст контрверса первого спектакля голевой комедии, имевшего место 19 апреля 1836 г. Этот документ позволяет во всех подробностях восстановить сценическое оформление премьеры «Ревизора», в постановке которой, как известно, ближайшее участие принимал автор комедии. В настоящее время монтровка «Ревизора» подготовлена с соответствующими комментариями к печати. ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. ЛЕНИНГРАД, 16 июня. Институт русской литературы всесоюзной Академии наук приступает к изданию серии «Памятники общественной мысли». В эту серию войдут памятники идеологического характера и документы политических процессов, в которых участвовали литераторы. В первую очередь будет издана «Русская правда» Пестеля. Затем будут выпущены материалы по процессу петрашевцев. Сюда войдут показания участников процесса — Петрашевского, Бунина и др. В будущем намечено издать архивы Бр. Тургеневых, Кохельбекера, Раевского, Бестужевых. (РОСТА). ИЗДАНИЕ ПИСЕМ РЕПИНА. ЛЕНИНГРАД, 16 июня. Русский музей приступил к изданию писем И. Е. Репина. В архиве музея имеется около 300 писем Репина, но в книгу войдут лишь 50 писем, адресованных Тархановой-Антокольской. Особенно интересны письма, относящиеся к 1905 г., и предельные письма. (РОСТА).

ВЭФФРЕ

Приезд и встреча челюскинцев и героев летчиков передается завтра днем по стр. Коминтерн. Микрофоны устанавливаются на пути следования поездов (на ст. Восточная и Александровская), на перроне и площади Бело-русско-балтийского вокзала в Москве и на Красной горах. ЛЕНИНГРАДСКИЙ РАДИОКОМИТЕТ 26 июня организует выступление писателя-челюскинца С. Семенова по радио. С. Семенов расскажет радиослушателям историю челюскинцев. (Наш. корр.). ЛЕНИНГРАД, 17 июня. (Наш. корр.). Вчера вечером Илья Эренбург по приглашению дирекции литературного музея выступил перед микрофоном с чтением отрывков из романа «День второй». По словам писателя, перед микрофоном он выступил впервые. Илья Эренбург дал согласие ленинградскому радиокомитету переработать роман «День второй» в радиоконпозицию для передачи в октябрьские дни. Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ. Москва, Тверской бульвар, 25 Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стремянный бульвар, 11, тел. 4-08-18 и 5-51-69.